DK438
.C45
1901
WILSON
ANNEX

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

Wilson Annex

DK438
.C45
1901

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00027076271

ПОЛЬСКІЙ
и
ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЫ.

DK 438
.C45
1901

БОРИСЪ ЧИЧЕРИНЪ.

MF

ПОЛЬСКІЙ
и
ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЫ.

ОТВѢТЪ НА ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА
Н. К. РЕННЕНКАМПФА.

Polskiĭ i evreĭskiĭ voprosy

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейницъ.
1901.

UNIVERSITY LIBRARY
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/polskiievreskivo00chic

Милостивый Государь
Николай Карловичъ.

Вамъ угодно было обратиться ко мнѣ съ открытыми письмами, напечатанными въ „*Кіевлянинѣ*“ по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ въ моей книгѣ о *Политикѣ*. Охотно принимаю вашъ вызовъ. Эти вопросы имѣютъ у насъ, какъ вы сами говорите, такой животрепещущій интересъ, они такъ болѣзненно отзываются на самомъ строѣ русской земли, что обмѣнъ мыслей по этому поводу между образованными и безпри-

---

При существующихъ условіяхъ русской печати, эта статья не могла быть помѣщена въ русскихъ газетахъ. Разныя обстоятельства замедлили ея появленіе къ сожалѣнію, авторъ открытыхъ писемъ недавно скончался. Но такъ какъ высказанныя имъ мысли остаются въ своей силѣ, то отвѣтъ печатается такъ, какъ онъ былъ написанъ годъ тому назадъ.

страстными людьми можетъ быть не безполезенъ. Практической пользы я отъ этого, конечно, не ожидаю. Не только мы съ вами не призваны рѣшать эти вопросы, но на практикѣ они вовсе и не поставлены, и рѣшеніе ихъ въ смыслѣ справедливости въ настоящее время представляется не болѣе, какъ праздною мечтою, о которой практическіе люди даже и толковать не станутъ. Тѣмъ не менѣе, обсужденіе ихъ именно съ этой точки зрѣнія можетъ, хотя бы и въ малой степени, способствовать выясненію нравственныхъ и политическихъ понятій въ русскомъ обществѣ, чѣмъ пренебрегать нельзя. Во всякомъ случаѣ, такой обмѣнъ мыслей даетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, а это что-нибудь значитъ въ такое время, когда такъ рѣдко приходится испытывать это чувство.

Начну, такъ же, какъ и вы, съ польскаго вопроса.

Не могу не порадоваться тому, что вы въ существѣ присоединяетесь къ моимъ взглядамъ. Вы справедливо напоминаете, что въ былыя времена лучшіе русскіе люди раздѣля-

ли эти воззрѣнія. Прибавлю, что не только въ высшихъ умственныхъ сферахъ, но и въ провинціи господствовало то же настроеніе. Помню изъ своего дѣтства, что въ Тамбовѣ жилъ ссыльный Полякъ, и тамбовское общество не только его не чуждалось, а, напротивъ, старалось всячески облегчить его горькую участь. Во многихъ домахъ онъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. Никогда я не слыхалъ, чтобы слово полякъ произносилось съ малѣйшимъ оттѣнкомъ недоброжелательства. Но съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Отчасти этому виною безумное возстаніе 1863 года, отчасти же, надобно сказать пониженіе нравственнаго уровня патріотическаго чувства въ русскомъ обществѣ.

Патріотизмъ бываетъ двухъ родовъ. Одинъ стремится къ тому, чтобы поднять отечество на высшую ступень умственнаго и нравственнаго развитія, какая доступна современному человѣчеству. Проникнутому нравственнымъ сознаніемъ гражданину, любящему свою родину, бываетъ больно и горько, когда онъ видитъ, что на ней лежитъ нравственное пятно, и всѣ его самыя пламенныя желанія и

стремленія клонятся къ тому, чтобы его смыть. Кажется, это одно согласно и съ христіанскими чувствами. Другой патріотизмъ, напротивъ, весь проникнутъ поклоненіемъ внѣшней силѣ; всѣ его стремленія идутъ къ тому, чтобы поработить себѣ все окружающее, подавить всякое самостоятельное движеніе и на все наложить однообразное ярмо, которое выдается за выраженіе народнаго духа. Этого рода патріотизмъ всегда и вездѣ распространенъ въ массѣ пошлыхъ людей, составляющихъ значительную часть всякаго общества. Имъ нерѣдко проникнуты и такъ-называемые практическіе государственные люди, которые свысока смотрятъ на всякія нравственныятребованія. Въ настоящее время развитію его особенно способствуетъ господство реализма, который во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ, въ народности и въ политикѣ, видитъ только пратическій интересъ. У насъ онъ получилъ неоспоримое преобладаніе вслѣдствіе извѣстной вамъ журнальной пропаганды, которая съ яростью кидалась на всякое проявленіе самостоятельности, видя въ

немъ измѣну отечеству. Русское общество, даже въ образованныхъ слояхъ, за рѣдкими исключеніями, послѣдовало этому теченію. Его не раздѣляютъ развѣ только тѣ, которые стремятся къ разрушенію всякаго гражданскаго порядка и для которыхъ народность есть только пустой звукъ, а государство олицетвореніе всякаго зла. Тѣмъ отраднѣе встрѣтить просвѣщеннаго русскаго человѣка, который, держась на подобающей нравственной высотѣ, заявляетъ свое сочувствіе воззрѣніямъ, основаннымъ на требованіяхъ справедливости и на уваженіи къ другимъ.

Но если мы, побуждаемые нравственнымъ чувствомъ, хотимъ протянуть руку павшему подъ нашими ударами брату, то мы, полагаю, должны дѣлать это не съ укоромъ, а съ любовью, памятуя евангельское изреченіе: „Вынь прежде бревно изъ своего глаза, а потомъ уже вынимай спинцу у брата“. Съ этой точки зрѣнія я не могу не возразить противъ нѣкоторыхъ изъ сдѣланныхъ вами оговорокъ.

Прежде всего, надобно установить фактическую сторону дѣла, какъ оно было въ дѣйствительности. Вы говорите, что я невѣрно представилъ факты, сказавши, что раздѣлъ Польши совершился среди полнаго мира, безъ малѣйшаго повода. По вашему мнѣнію, Польша въ то время представляла не миръ, а постоянную анархію, опасную для сосѣдей, которые принуждены были положить этому конецъ во имя „самозащиты“. Вы думаете, что они могли сдѣлать это съ тѣми меньшими утрызеніями совѣсти, что и „въ правительствахъ, въ обществѣ и въ дипломатіи господствовало ученіе Макіавелли, по которому завоеваніе соразмѣряется съ силою и удачею“.

Историческіе документы говорятъ намъ, однако, совсѣмъ другое. Мы подлинно знаемъ, что та анархія, которая будто была опасною для сосѣдей, напротивъ, поддерживалась ими всѣми средствами, потому что она была источникомъ слабости Польши и не давала ей стать на свои ноги. Фридрихъ Великій и Екатерина II заключали между собой тайные договоры, въ которыхъ они обя-

зывались охранять въ особенности liberum veto, которое было корнемъ всѣхъ золъ. Екатерина II гарантировала польскую конституцію и ни за что не хотѣла допустить отмѣны этой статьи. Когда же Поляки рѣшились, наконецъ, дать себѣ учрежденія, которыя обезпечивали имъ сколько нибудь сносный порядокъ вещей, Польша, въ наказаніе за такое преступленіе, была подѣлена и перестала существовать. Въ виду этихъ извѣстныхъ всѣмъ фактовъ, трудно говорить объ опасности для сосѣдей и о самозащитѣ.

Мы знаемъ также, съ какой цѣлью Екатерина II взяла въ свои руки покровительство диссидентовъ. Если бы она ограничилась требованіемъ для нихъ вѣротерпимости, то это можно было бы оправдать, хотя и это было бы страннымъ посягательствомъ на самостоятельность чужого государства. Что бы мы сказали, если бы католическія и протестантскія державы вздумали добиваться отъ насъ отмѣны всякихъ стѣснительныхъ мѣръ относительно уніатовъ и штундистовъ? Но Екатерина II шла гораздо далѣе: она требовала для диссидентовъ политической равно-

правности, что давало ей возможность имѣть въ Польшѣ всегда послушную партію и останавливать всѣ рѣшенія сейма. И для проведенія этого требованія употреблялись самыя вопіющія насилія. Епископъ Краковскій былъ схваченъ русскими войсками и отвезенъ въ Россію. Этими средствами Екатерина II добилась своихъ цѣлей, съ тѣхъ поръ она въ Польшѣ дѣлала, что хотѣла. Зачѣмъ же нужно было еще дѣлить несчастную страну, которая и безъ того ни для кого не представляла опасности?

И это намъ подлинно извѣстно. Екатерина II вела успѣшную войну съ Турціей, а Пруссія и Австрія смотрѣли на это съ опасеніемъ и завистью: онѣ боялись, что Россія значительно усилится, между тѣмъ какъ онѣ останутся при своихъ прежнихъ владѣніяхъ. Тогда Фридриху Второму пришла въ голову очастливая мысль предложить Екатеринѣ, въ замѣнъ пріобрѣтеній въ Турціи, взять хорошій кусокъ въ Польшѣ, причемъ и сосѣди могли попользоваться своей стороны. Екатерина согласилась, потому что иначе пришлось бы возиться съ интригами могучихъ соперъ-

никовъ а въ Польшѣ, по ея собственному выраженію, стоило только нагнуться, чтобы взять все, что хочешь; турецкія же области все равно отъ нея бы не ушли. Нѣмецкіе панегирики Фридриха Великаго называютъ это, съ его стороны, мастерскою штукой перваго разряда (ein Meisterstück ersten Ranges). И точно, съ чисто политической точки зрѣнія, нельзя не признать ее таковою: присвоить себѣ чужія владѣнія, не проливши капли крови и не истративъ ни гроша денегъ, на это нуженъ геніальный умъ. Но съ нравственной точки зрѣненія, такія мастерскія штуки не всегда одобряются даже политическими людьми. Не какой-нибудь легкомысленный либералъ, а благороднѣйшій изъ государственныхъ людей Пруссіи, виновникъ ея возрожденія послѣ Іенскаго погрома, баронъ Штейнъ, называлъ раздѣлъ Польши отвратительнымъ политическимъ преступленіемъ (ein abscheuliches politisches Verbrechen). Я привелъ эту цитату въ своей *„Политикѣ“*, говоря объ отношеніи политики къ нравственности.

Вы справедливо указываете на то, что Россія въ этомъ дѣлѣ находилась въ особенномъ положеніи. Съ Польшею у нея были старые счеты. Занятыя ею области были искони русскія, которыя нѣкогда были оторгнуты литовскими завоевателями и которыя она опять стремилась къ себѣ присоединять. „Для Россіи, говорите вы, эта была историческая задача, освѣщающая всю ея исторію XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, и великая заслуга Екатерины II состоитъ въ томъ, что она, рожденная иностранкою, поняла и оцѣнила эту задачу и русское значеніе присоединенныхъ областей. Развѣ не каждый мудрый правитель, понимающій потребности и призваніе своего государства, сдѣлалъ бы то же самое, пользуясь благопріятными обстоятельствами? Исторія оправдала-бы его.“

Не спорю, что присоединеніе областей, заселенныхъ русскимъ племенемъ, могло быть задачею русской политики. Но и въ политикѣ цѣль не оправдываетъ средствъ. Полагаю, что Петръ Великій не меньше Екатерины былъ проникнутъ сознаніемъ могуще-

ства и пользы Россіи. Онъ былъ создатель этого могущества; онъ этому дѣлу посвятилъ всю свою жизнь, отдалъ всю свою душу. Вдобавокъ, онъ еще менѣе могъ бы стѣснять-ся нравственными соображеніями: онъ жилъ въ болѣе грубое время, онъ не былъ, подобно Екатеринѣ, поклонникомъ просвѣтительныхъ и гуманныхъ идей XVIII вѣка; онъ не писалъ, какъ Фридрихъ II, трактатовъ въ опроверженіе Макіавелли. А между тѣмъ, когда Пруссія, издавна преслѣдовавшая ту же политику, предложила ему подѣлить Польшу, онъ отвѣчалъ, что такое дѣло было бы противно Богу, совѣсти и вѣрности, и заявилъ, что будетъ помагать Польшѣ противъ всякаго, кто посягнетъ на ея территорію. И эту цитату я привелъ въ *„Политикѣ“*.

Присоединеніе къ Россіи древне-русскихъ областей совершалось не въ первый разъ. Но это дѣлалось иными способами. Когда при Алексѣѣ Михайловичѣ Малороссія отторглась отъ Польши и отдала себя подъ защиту московскаго царя, онъ принялъ ее подъ свое покровительство; Россія изъ за этихъ областей выдержала упорную борьбу, и Ма-

лороссія осталась за нею. Никто однако не называлъ и не назоветъ это политическимъ преступленіемъ. Присоединеніе же Западнаго края происходило при совершенно другихъ условіяхъ. Со времени Алексѣя Михайловича съ Польшею заключенъ былъ вѣчный миръ и всѣ старые счеты были покончены. Въ Сѣверную войну она была вѣрною союзницею Россіи; она выносила на себѣ удары Карла XII, что и дало Петру возможность оправиться послѣ Нарвскаго пораженія и приготовиться къ Полтавской побѣдѣ. Екатерина была не только союзницею, но и покровительницею Польши. А между тѣмъ, она не только воспользовалась этимъ, чтобы отобрать себѣ древнерусскія области безъ малѣйшаго на то повода, но она и остальныя области отдала сосѣдямъ и заставила Поляковъ самихъ растерзать свое отечество на клочки. Не знаю, попадались-ли вамъ когда-нибудь въ руки напечатанныя Блумомъ на нѣмецкомъ языкѣ *Достопримѣчательности графа Сиверса*? Признаюсь, я не могъ читать безъ глубокаго возмущенія донесенія этого ревностнаго

исполнителя плановъ Екатерины, который былъ представителемъ Россіи на Гродненскомъ сеймѣ. Подъ русскими штыками поляки принуждены были подписать смертный приговоръ своего отечества. Они соглашались уступить Россіи требуемыя ею области, но ихъ заставили отдать и то, что требовала себѣ Пруссія, которая сначала поддерживала ихъ противъ Россіи, а потомъ сама сдѣлалась участникомъ въ дѣлежѣ.

Понятно, что такой образъ дѣйствій могъ возмутить душу блогороднаго юноши, внука Екатерины, который былъ свидѣтелемъ этихъ событій. Александръ I положилъ себѣ цѣлью загладить вину бабки и возвратить Полякамъ отечество, что онъ и совершилъ въ той мѣрѣ, въ какой это возможно было въ тѣ времена. Россія можетъ съ гордостью указать на эту страницу въ ея исторіи, которая смываетъ съ нея много вины. Тѣ, которые дѣлаютъ изъ этого упрекъ Александру, хотятъ доказать, что онъ былъ, по его собственному выраженію, не болѣе, какъ счастливою случайностью.

Безспорно, и имъ были сдѣланы нѣкоторыя крупныя ошибки. Возстановленіе Польши совершилось въ то время, когда въ мысляхъ Александра I произошелъ поворотъ отъ либеральныхъ стремленій къ мистицизму и реакціи. Это и выразилось въ назначеніи Константина Павловича и генерала Заіончека вмѣсто Чарторыйскаго. Тѣмъ не менѣе, существенное было дано. Но поляки не сумѣли этимъ воспользоваться. Говоря объ этихъ событіяхъ, я указалъ на тотъ коренной недостатокъ политическаго смысла, который побудилъ ихъ рисковать дарованными благами и ринуться въ неравную борьбу. Въ особенности безумное возстаніе 1863 года надолго отдалило возможность правильнаго рѣшенія вопроса. Но бросимъ-ли мы за это камень въ поляковъ? Мы могли бы это сдѣлать, если бы мы сами были изъяты отъ этой язвы современныхъ обществъ, отъ революціонныхъ стремленій. Но намъ слишкомъ хорошо извѣстно, что происходило въ то же время у насъ. У Поляковъ было по крайней мѣрѣ то извиненіе, что люди, потерявшіе отечество, могутъ дойти до безумія

и прибѣгать къ самымъ крайнимъ средствамъ, чтобы возвратить ему свободу. У насъ же совершались величайшія преобразованія, способныя удовлетворить самыя пламенныя желанія передовыхъ русскихъ людей, а между тѣмъ, по всей русской землѣ шла разрушительная пропаганда, учинялись самыя ужасныя злодѣянія, взрывались дворцы и самъ Царь-Освободитель, благодѣтель своего народа, палъ, наконецъ, жертвою убійцъ.

Результатъ отъ обоихъ случаевъ былъ одинъ и тотъ же: произошло совершенно противоположное тому, чего желали революціонеры. И это было въ нѣкоторомъ отношеніи благо, ибо это доказало яснѣе дня, что революціонное безуміе ведетъ лишь къ приниженію закона и свободы, если только людямъ, потерявшимъ смыслъ, можно что-нибудь доказать. Но подавивши возстаніе такими средствами, за которыя нельзя его обвинять, ибо они вызывались обстоятельствами, русское правительство въ дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ пошло слишкомъ далеко. Съ цѣлью навсегда положить конецъ притязаніямъ Поляковъ, оно приняло мѣру, которую я

назвалъ, и не могу не назвать, политическою ошибкою: оно включило царство Польское въ составъ русскихъ губерній и подчинило ихъ одному центральному управленію. Вмѣсто того, чтобы раздѣлить то, что раздѣлено по своей природѣ, оно хотѣло насильственно слить то, что слиться не можетъ. И это выставляется не только обязательнымъ государственнымъ требованіемъ, но и какъ бы окончательнымъ приговоромъ исторіи, отъ котораго нельза отступить. Говорятъ, что исторія не возвращается назадъ. Она рѣшаетъ судьбы народовъ, и послѣднимъ остается только покоряться.

На бѣдную исторію, которая сама за себя отвѣчать не можетъ, ибо это — безличное существо, часто сваливаютъ вину человѣческихъ ошибокъ и даже человѣческихъ преступленій. Но улученіе фактовъ доказываетъ, что исторія часто раздѣлываетъ то, что было сдѣлано. Исторія подчинила Грековъ Туркамъ въ теченіе трехъ столѣтій, но это не помѣшало ихъ освобожденію. Исторія подчинила Италію австрійскому владычеству, но это не помѣшало ея объединенію. Въ наше

время въ особенности, народности возрождаются изъ самаго глубокаго униженія, а польская народность такъ живуча, она имѣетъ за себя такое блестящее прошлое, что поглощеніе ея русскою народностью есть не болѣе, какъ мечта.

Вы вполнѣ присоединяетесь къ этому взгляду. Вы, такъ же какъ и я, считаете, что „невозможно и несбыточно слить когда нибудь польскую народность съ русскою". Вы даже признаете, что такое сліяніе „было бы потерею въ общемъ ходѣ европейской культуры". Но, сколько я могу видѣть, вы не даете себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходитъ въ дѣйствительности, въ тѣхъ стремленіяхъ къ обрусенію, которыя господствуютъ въ настоящее время. Вы говорите, что русское правительство никогда „не помышляло обезличить польскую народность или руссифицировать дѣйствительно польскія области и всегда готово было принять возможныя мѣры для умиротворенія края и искренняго сближенія его съ Россіей". Въ противоположность этой благодѣтельной политикѣ вы указываете на изданный въ ны-

нѣшнемъ году циркуляръ прусскаго правительства, за скрѣпою всѣхъ министровъ, въ которомъ оффиціально объявляется безповоротное рѣшеніе прусскаго правительства германизировать польскія провинціи, вошедшія въ составъ Пруссіи, и властямъ вмѣняется въ обязанность давать рѣшительный отпоръ враждебнымъ дѣйствіямъ Поляковъ. Вы утверждаете, что за всю вѣковую исторію владѣнія Россіею польскими областями ничего подобнаго тамъ не было.

Не стану, конечно, защищать прусскаго циркуляра; но вѣдь это только листъ бумаги, а что, происходитъ на дѣлѣ? Въ подчиненныхъ Пруссіи польскихъ областяхъ принято непремѣннымъ правиломъ, что преподаваніе въ народныхъ школахъ должно совершаться на родномъ языкѣ живущаго въ общинѣ населенія. Въ познанскихъ гимназіяхъ, въ трехъ низшихъ классахъ, преподованіе ведется исключительно на польскомъ языкѣ, въ высшихъ частью на польскомъ, частью на нѣмецкомъ. А у насъ? Въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ, въ краю, гдѣ нѣтъ ни одного Русскаго, кромѣ служащихъ, все пре-

подаваніе, сверху до низу, ведется на русскомъ языкѣ; польскій языкъ совершенно изгнанъ изъ школы. Что же это, какъ не самое послѣдовательное обрусеніе? Тутъ не щадится даже то, что для народа всего болѣе дорого послѣ его религіи, — его родной языкъ, въ которомъ народный духъ выражается даже болѣе, нежели въ религіи, ибо послѣдняя есть общечеловѣческое начало. И что же этимъ достигается? Вмѣсто сближенія, возбуждается непріязнь, и именно въ тѣхъ слояхъ населенія, которые желательно привязать къ себѣ, для которыхъ многое сдѣлано русскимъ правительствомъ и которые, поэтому, доступны русскому вліянію. Казалось бы, что самая простая, ясная и здравая политика требуетъ возможно бережно относиться къ чувствамъ этого населенія, а не оскорблять его въ томъ, чѣмъ оно естественно дорожитъ. Здравая политика требуетъ и отдѣленія русскаго населенія отъ польскаго, что именно достигается преподаваніемъ на родномъ языкѣ. Это не только уступка Полякамъ, но интересъ самой Россіи. Но стремленіе къ невозмож-

ному обрусенію не хочетъ знать этихъ требованій.

При сравненіи того, что дѣлается въ разныхъ государствахъ, можно привести и много другихъ примѣровъ. Какъ вы думаете: возможно-ли въ Познани, чтобы къ польскому помѣщику явился полицейскій чиновникъ и объявилъ ему, чтобы онъ не смѣлъ держать у себя польской упряжи? Это — одно изъ безчисленныхъ мелкихъ притѣсненій, которымъ подвергаются у насъ Поляки и въ общественной, и въ частной жизни. Познань состоитъ на общемъ правѣ: тамъ Полякъ огражденъ закономъ, онъ имѣетъ даже голосъ въ парламентѣ. Въ приведенномъ вами циркулярѣ говорится о германизаціи *культурными,* а не полицейскими средствами. У насъ же и бывшее Царство Польское и Западныя губерніи доселѣ находятся въ осадномъ положеніи, Поляки лишены всякихъ правъ и полицейскій произволъ не знаетъ границъ. Среднія власти, усердствуя, преувеличиваютъ приказанія высшихъ, а низшія, изъ усердія, преувеличиваютъ приказаніе среднихъ, и такъ это идетъ, все возрастая. Любопытныя подробности на этотъ счетъ

можно найти въ изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за границею, брошюрѣ графа Лелива: не знаю, попадалась ли она вамъ на глаза. Когда же оказывается администраторъ, который къ подвластному населенію относится болѣе мягкимъ образомъ, тотчасъ поднимается крикъ: говорятъ, что онъ ополячился, ищетъ популярности, что его обошли дамы и т. п. Большинство, особенно въ вліятельныхъ сферахъ, все еще видитъ въ Полякахъ враждебную народность, которую надобно всячески подавлять. Не говорю уже о полицейскомъ обращеніи уніатовъ. Это — одинъ изъ тѣхъ эпизодовъ, о которыхъ, по вашему выраженію, тяжело вспомнить.

Еще менѣе, нежели съ Пруссіей, выдерживаетъ сравненіе съ Австріей. Напрасно вы ссылаетесь на преслѣдованіе русскаго языка въ Галиціи со стороны Поляковъ. Въ Австріи вопросъ о равноправности языковъ составляетъ, какъ извѣстно, самый жгучій вопросъ современности. Но между тѣмъ, какъ Нѣмцы съ Чехами доходятъ до драки, на Львовскомъ сеймѣ этотъ вопросъ рѣшился совершенно миролюбиво, къ обоюдному удо-

вольствію. Наши газеты постоянно обвиняютъ Австрію въ томъ, что она угнетаетъ Славянъ; но онѣ не хотятъ видѣть того, что дѣлается въ Польшѣ. Главныя затрудненія австрійскаго правительства въ настоящее время происходятъ оттого, что оно уступило требованіямъ славянъ. Въ одномъ мѣстѣ вы даже говорите, что теперь тамъ Нѣмцамъ вовсе не приходится плохо. Этого я не понимаю. Нѣмцамъ вовсе не приходится плохо; они неистовствуютъ, просто потому что съ ними хотятъ уравнять Славянъ, которыхъ они считаютъ низшимъ племенемъ. Оттого и происходитъ остановка всей парламентской дѣятельности. Но этихъ уступокъ славяне добились именно благодаря парламентской системѣ; безъ этого они вѣчно остались бы въ униженіи. Вы въ воспитательное значеніе австрійскаго парламентаризма не вѣрите; вы видите въ немъ только старую систему divide et impera, которая то сѣетъ вражду между подвластными народностями, то вступаетъ съ ними въ ложные союзы, стараясь какъ-нибудь, спасти шаткую ладью отъ крушенія. Но надобно войти въ положеніе австрійскаго правительства, стоящаго между двумя огнями:

когда оно опирается на нѣмцевъ, славяне вопіютъ; какъ скоро оно хочетъ умиротворить Славянъ, Нѣмцы приходятъ въ неистовство. Что можетъ оно дѣлать, какъ не стараться держать вѣсы между тѣми и другими? Для подвластныхъ же народностей эта система имѣетъ то воспитательное значеніе, что она даетъ имъ возможность поднимать голосъ, отстаивать свои интересы; она пріучаетъ ихъ соразмѣрять цѣли со средствами, умѣрять свой стремленія, дѣйствовать сообща, вступать въ сдѣлки и соглашенія, а въ этомъ и состоитъ политическое воспитаніе. Для Поляковъ Австрія есть обѣтованная земля; въ ней они обрѣли не только самостоятельное управленіе собственными своими дѣлами, но и значительное вліяніе на общій ходъ дѣлъ. Для другихъ же Славянъ она представляетъ поприще, на которомъ они могутъ развивать свои силы и отстаивать свои интересы. Подъ австрійскимъ владычествомъ Чехи изъ ничтожества возродились къ новой жизни и стали политическою силой. Поэтому существованіе Австрій составляетъ для нихъ первую потребность. Если бы она рушилась, что сталось бы съ

ними и что можемъ мы дать имъ въ замѣнъ?

Между нашими западными соплеменниками и нами, какъ грозная стѣна, стоитъ польскій вопросъ. Это обнаружилось на памятномъ съѣздѣ Слявянъ въ Москвѣ, когда знаменитый вождь Чеховъ, Ригеръ, съ своимъ ораторскимъ талантомъ, обратился съ торшественнымъ возваніемъ къ съѣхавшимся на обѣдъ Москвичамъ: „мы собрались здѣсь на братское пиршество, сказалъ онъ; отчего же между нами нѣтъ одного, и не послѣдняго брата?“ Онъ въ пламенной рѣчи взывалъ къ примиренію. Какой же былъ отвѣтъ? Ничего, кромѣ суроваго отпора. Ему сказали, что исторія порѣшила дѣло и что о немъ нечего болѣе говорить. И эти жесткія слова возбудили общее сочувствіе: на многолюдномъ обѣдѣ не нашлось ни одного человѣка, у котораго бы изъ сердца вырвалось слово любви. Оказалось, что всѣ эти братскія лобызанія были ничто иное, какъ пустая комедія: въ нихъ не было именно того, что могло придать имъ значеніе — братскаго чувства.

Слабымъ извиненіемъ этого явленія мо-

жетъ служить то, что тогда еще слишкомъ живы были воспоминанія о возстаніи 1863 года со всѣми его ужасами, и самъ говорившій былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ послѣдовавшихъ затѣмъ мѣропріятіяхъ. Но съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ; раны успѣли затянуться, чувства могли успокоиться. Въ этотъ промежутокъ времени русское общество безумствовало за Сербовъ, безумствовало за Болгаръ, но о Полякахъ никто не заикнулся. Мы такъ мало привыкли отдавать себѣ отчетъ въ томъ, чего мы хотимъ и къ чему идемъ, что не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ не сознается глубокая внутренняя связь между польскимъ вопросомъ и нашими отношеніями къ Славянамъ. Намъ кажется совершенно естественнымъ, съ одной стороны, идти въ походъ для освобожденія славянскихъ братьевъ отъ чужеземнаго ига, а съ другой держать Польшу въ цѣпяхъ. Это одно изъ тѣхъ вопіющихъ противорѣчій, которыя часто встрѣчаются въ душѣ человѣка, когда онъ дѣйствуетъ по внушенію слѣпыхъ инстинктовъ, а не старается привести въ порядокъ своего внутренняго міра, и съ нимъ

вмѣстѣ и своихъ внѣшнихъ дѣйствій. Но внутреннія противорѣчія отражаются и на внѣшнихъ событіяхъ. Прежде всего они порождаютъ неисцѣлимое недовѣріе. Когда враги наши, указывая на Польшу, говорятъ, что всѣ наши заигрыванія съ Славянами прикрываютъ только властолюбіе и лицемѣріе, что можемъ мы имъ отвѣтить? Недостаточно сказать, что у насъ съ Поляками старые счеты, а другихъ Славянъ мы можемъ поддерживать безъ всякой задней мысли. Если племенное сродство имѣетъ какое нибудь значеніе, если оно должно служить источникомъ братскихъ чувствъ, то оно должно прежде всего выразиться въ отношеніяхъ къ тѣмъ братьямъ, которые ближе всего къ намъ стоятъ и которыхъ судьба отъ насъ зависитъ. Наши старые счеты съ Поляками давнымъ давно сведены; единственная ихъ вина заключается въ томъ, что они рвутся на свободу — пожалуй, неумѣло и безразсудно, не соразмѣряя возможность съ своими силами, — между тѣмъ какъ мы находимъ для себя выгоднымъ держать ихъ въ оковахъ. Но въ такомъ случаѣ было бы гораздо проще и откровеннѣе сказать прямо:

мы дѣйствуемъ исключительно въ виду своихъ интересовъ; въ одномъ случаѣ эти интересы побуждаютъ насъ отнять свободу у брата, а въ другихъ они же подвигаютъ насъ на освобожденіе братьевъ отъ чужеземнаго ига, съ тѣмъ чтобы подчинить ихъ своему вліянію. Это — взглядъ чисто практическій; но тогда не надобно драпироваться въ рыцарскую мантію: нечего говорить ни о нравственности, ни о свободѣ, ни о чужихъ притѣсненіяхъ. Спрашивается только: кого мы привлечемъ къ себѣ такою политикой? Развѣ тѣхъ, которые ожидаютъ отъ насъ какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ!

Полная внутренняя несостоятельность такой точки зрѣнія очевидна. Поэтому, въ настоящее время снова начинаютъ раздаваться голоса въ пользу сближенія съ Поляками. Вы принадлежите къ числу людей, искренно желающихъ этого сближенія. Но какъ возможно оно при существующихъ условіяхъ? Вы сами признаете, что „первые шаги доброжелательства и довѣрія должны быть сдѣланы господствующею, сильнѣйшею народностью“. Но затѣмъ вы заявляете, что „дальнѣйшее развитіе доброжелательства и

уваженія требуетъ взаимности". Вы увѣряете, что русское общество и теперь „готово жить съ Поляками въ согласіи и взаимномъ уваженіи". Но надобно, чтобъ и „польскіе кружки не уклонялись отъ вскренняго общенія, устранили бы поводы для сомнѣній и опасеній". Залогами такого расположенія со стороны Поляковъ вы считаете, во первыхъ, чтобы „католическое духовенство ограничило свое призваніе религіозными задачами, утвердилось въ духѣ терпимости и отказалось отъ наступательнаго направленія", а во-вторыхъ, чтобы поляки отказались отъ всякихъ притязаній на области, населенныя русскимъ племенемъ.

Считаю оба требованія слишкомъ неопредѣленными и подающими поводъ ко всякаго рода недоразумѣніямъ. Если католическое духовенство выходитъ изъ религіозной сферы и вступается въ свѣтскія дѣла, что случается и не въ одной Польшѣ, то правительство всегда имѣетъ возможность положить этому предѣлъ. Многое тутъ зависитъ и отъ соглашенія съ главою католицизма и того содѣйствія которое можно въ немъ найти. Требовать же отъ католическаго ду-

ховенства, чтобы оно не заботилось о распространеніи своей вѣры, невозможно, ибо это — его прямая нравственная обязанность. Духовенство затѣмъ и есть духовенство, что оно призвано проповѣдывать то, что оно считаетъ истинною вѣрою Христовою, необходимою для спасенія душъ. Это относится къ православному и протестантскому духовенству, такъ же, какъ къ католическому. Государство властно покровительствовать одному вѣроисповѣданію болѣе, нежели другому; оно можетъ давать всякаго рода внѣшнія преимущества, льготы и пособія; но оно не въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла совѣсти. Если человѣкъ, подъ вліяніемъ проповѣди, убѣждается въ истинѣ извѣстной вѣры, если его религіозныя потребности болѣе, удовлетворяются католицизмомъ, нежели православіемъ или протестантствомъ, то никто не въ правѣ помѣшать ему вступать въ тѣ отношенія къ Богу, которыя внушаются ему его совѣстью. Надъ нею властенъ одинъ Всемогущій и Премудрый Творецъ людей; когда же земная власть, во имя политичекихъ интересовъ, вторгается въ эту область, она переступаетъ нравственныя гра-

ницы своего права и становится притѣснительною. Это — краеугольный камень внутренней свободы человѣка, отъ которой зависитъ все его человѣческое достоинство. Безъ сомнѣнія, вы съ этимъ согласны. Поэтому, надобно оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ. Отношенія къ Полякамъ затрогиваются имъ только косвенно.

Что касается до отреченія отъ русскихъ областей, то я не понимаю, о какого рода отреченіи идетъ рѣчь. Когда Германія завоевала у Франціи Эльзасъ-Лотарингію, она пріобрѣла эти области на основаніи трактата, но она не требовала, чтобы Французы въ глубинѣ души своей отказались отъ возвращенія этихъ провинцій. Въ чужую душу не влѣзешь, и люди могутъ мечтать обо всемъ, что имъ угодно. Чѣмъ печальнѣе дѣйствительность, тѣмъ они обыкновенно больше предаются мечтамъ. Лѣкарствомъ отъ этого можетъ служить только практически достижимая цѣль. Но и въ такомъ случаѣ нельзя ручаться за то, что когда цѣль достигнута, они не заговорятъ иное. Къ тому же, среди многочисленнаго народа одни могутъ говорить и думать такъ, а другіе иначе, и ни-

когда не разберешь, которыхъ больше. Поэтому нечего и требовать тѣхъ или другихъ чувствъ или извѣстнаго образа мыслей. Въ политикѣ это совершенно неумѣстно. Относительно населенныхъ русскимъ племенемъ областей мы имѣемъ залогъ несравненно болѣе прочный, нежели всякія завѣренія. Онѣ у насъ въ рукахъ, и мы ихъ не отдадимъ, потому что не имѣемъ ни малѣйшаго повода ихъ отдать. Великое княжество Литовское, заключавшее въ себѣ русскія области, было чисто внѣшнимъ и случайнымъ образомъ присоединено къ Польшѣ, влѣдствіе прекращенія династіи Пястовъ и избранія Ягеллона на польскій престолъ. Такимъ же внѣшнимъ, хотя менѣе случайнымъ образомъ, оно было отъ нея впослѣдствіи отторгнуто. Возвращаться къ этимъ старымъ исторіямъ нѣтъ никакого основанія. Въ настоящее время дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы изслѣдовать, какъ поступали наши предки, и разбирать, кто въ чемъ былъ виноватъ, а въ томъ, чтобы на почвѣ дѣйствительности воздать Полякамъ должную справедливость. На этомъ основаніи, все на что Поляки могутъ имѣть притязаніе,

это — свободное развитіе своей народности въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она нынѣ существуетъ. Если же они, не наученные исторіей, вздумаютъ посягать на то, что имъ не принадлежитъ, то на подобныя стремленія мы можемъ смотрѣть довольно равнодушно. Насъ 130 милліоновъ, да по ту сторону Польши есть 50 милліоновъ Нѣмцевъ, которые тоже владѣютъ польскими областями и не расположены ими поступаться. Между этими двумя колоссами относительно небольшое число Поляковъ обречено на безсиліе, а потому, что бы они себѣ ни думали, бояться ихъ нечего. Можно даже полагать, что если Поляки получатъ свободу отъ рукъ Россіи, они скорѣе устремятъ свои взоры на западъ, нежели на востокъ, на чисто польскія области, захваченныя Германіей, нежели на русскія, въ которыхъ населеніе имъ совершенно чуждо. Во всякомъ случаѣ, русскій народъ довольно могущественъ чтобы оказать справедливость подвластнымъ племенамъ, не опасаясь послѣдствій для себя.

Для насъ вопросъ заключается не въ томъ, что мы должны требовать отъ другихъ, а въ томъ, что мы обязаны для нихъ сдѣлать. Вы са-

ми говорите, что первый шагъ долженъ быть со стороны владычествующей народности. Очевидно, этотъ шагъ не можетъ ограничиваться однѣми любезностями: любите меня, потому что я васъ люблю. Справедливость должна быть оказана не на словахъ, а на дѣлѣ. Первымъ шагомъ къ примиренію должна быть отмѣна всѣхъ исключительныхъ мѣръ и уставновленіе полной равноправности Поляковъ и Русскихъ. Если я изъ своихъ выгодъ лишилъ брата свободы, то первое, что я могу сдѣлать, чтобы доказать желаніе примириться, это — снять съ него оковы и посадить его возлѣ себя, какъ равнаго. Со времени возстанія прошло 35 лѣтъ; пора вернуться къ нормальному порядку. Съ этимъ связано и признаніе польской народности въ краѣ, заселенномъ Поляками. Польскій языкъ долженъ быть возстановленъ и въ преподаваніи, и въ оффиціальныхъ отношеніяхъ. Полякамъ должно быть дано и самоуправленіе, какимъ пользуются Русскіе въ своемъ отечествѣ.

Однако, всего этого мало. Нельзя скрывать отъ себя, что это только первый шагъ къ сближенію. Затѣмъ долженъ слѣдовать другой, гораздо важнѣйшій: надобно вновь

вступить на путь, указанный Александромъ I, надобно возвратить Полякамъ отечество. Въ этомъ состоитъ истинное рѣшеніе польскаго вопроса.

Ожидаю, что противъ этого поднимется вопль. Возвратить Полякамъ отечество! Да вѣдь они насъ ненавидятъ. Это значитъ дать свободу врагамъ, нарушить самые существенные интересы Россіи, отказаться отъ того, что куплено русскою кровью, приготовить себѣ въ будущемъ неисчислимыя затрудненія.

Все это можетъ быть, но иного нравственнаго исхода нѣтъ. Мы должны выбирать между братоубійствомъ и исполненіемъ священнаго нравственнаго долга. Вѣдь отечество есть самое святое, что есть на землѣ. Ему человѣкъ жертвуетъ своею жизнью и всѣмъ, что ему дорого и близко Намъ, Русскимъ, памятны слова Минина: „заложимъ женъ и дѣтей и выкупимъ отечество“. Эти высокія слова воодушевляли нашихъ предковъ, когда они въ 1612 году шли на освобожденіе Москвы. Намъ памятенъ и 1812 годъ и тѣ жертвы, которые мы тогда приносили. Это лучшія страницы русской исторіи, тѣ, которыми мы можемъ справедливо гор-

диться. На нихъ отзывается всякое русское сердце, и мы снова готовы на всякія жертвы, когда насъ призываетъ голосъ отечества. Но если для насъ это святыня, за которую мы считаемъ долгомъ пролить послѣднюю каплю крови, то какъ же можемъ мы отнимать эту святыню у своихъ братьевъ во имя какихъ бы то ни было своихъ собственныхъ интересовъ? Говорятъ, что Поляки насъ ненавидятъ; да какіе же они могутъ питать къ намъ другія чувства, когда мы лишили ихъ того, что человѣку наиболѣе дорого и свято? Развѣ можно отъ нихъ требовать, чтобы они своимъ отечествомъ считали Россію, которая стакнувшись съ сосѣдами, уничтожила Польшу? Это все равно, что требовать отъ сына, чтобы онъ свою любовь къ отцу перенесъ на того, кто отца его лишилъ жизни. Только низменныя души способны на такого рода, нравственныя сдѣлки. Я ставлю себя на мѣсто Поляка. Если бы Россія была порабощена чужеземною властью, и эта власть сулила мнѣ спокойное и удобное житье, съ тѣмъ только, чтобы я отказался отъ отечества и не думалъ о его возстановленіи, согласился ли я бы на такое предложеніе? Думаю, что всякій истинно

русскій человѣкъ скажетъ: никогда и ни подъ какимъ видомъ. Онъ скорѣе отдастъ все, что имѣетъ, и прольетъ послѣднюю каплю крови, нежели откажется отъ отечества и будетъ терпѣливо выносить его порабощеніе. А если таково русское чувство, то мы должны думать, что именно благороднѣйшіе изъ Поляковъ никога не пойдутъ на такія сдѣлки. Чтобы держать ихъ въ постоянной покорности, нужна не одна только внѣшняя сила; надобно унизить ихъ души, а это не можетъ обойтись безъ униженія собственной души. Мы, съ своей стороны, должны отказаться отъ всѣхъ нравственныхъ требованій, отъ всякихъ благородныхъ стремленій; мы должны видѣть высшее призваніе своего народа въ одной внѣшней силѣ и въ притѣсненіи другихъ. Это-ли можетъ быть для насъ цѣлью?

Въ виду этого блѣднѣютъ всѣ такъ называемые практическіе интересы, которые имѣютъ значеніе лишь настолько, насколько они служатъ высшимъ цѣлямъ человѣка. Но и съ практической точки зрѣнія спрашивается: какимъ интересамъ Россіи можетъ противовѣчить освобожденіе Польши? Конечно, для

необъятнаго государства съ 130 милліонымъ населеніемъ владѣніе нѣсколькими лишними губерніями не имѣетъ значенія. Мы на Польшу тратимъ болѣе, нежели отъ нея получаемъ. А между тѣмъ, это владѣніе парализуетъ и наши внутреннія, и наши внѣшнія силы. Для внутренняго развитія нѣтъ ничего хуже, какъ потребность держать сосѣднее подвластное населеніе подъ постояннымъ гнетомъ. Это дѣйствуетъ развращающимъ образомъ и на правителей, и на управляемыхъ. Это порождаетъ привычки произвола и притѣсненія, которыя дѣйствуютъ на весь образъ мыслей и извращаютъ самую душу людей. При такомъ положеніи установленіе законнаго порядка, основаннаго на твердомъ охраненіи права, встрѣчаетъ самыя серіозныя затрудненія. Не менѣе страдаютъ и отношенія внѣшнія. Если главная сила Россіи, если самое ея историческое призваніе заключается въ возможномъ ея вліяніи на сродныя ей племена, то это вліяніе подрывается въ самомъ корнѣ порабощеніемъ Польши. Нѣтъ сомнѣнія, что освобожденіе Польши поставило бы Россію на такую высоту, на какой она остояла развѣ только въ

эпоху Наполеоновскихъ войнъ, когда она явилась освободительницей Европы. Тогда дѣйствительно всѣ взоры Славянъ устремятся на нее. Передъ этою громадною нравственною силою, опирающеюся на такую же силу матеріальную, поблѣднѣетъ самое могущество Германіи. Можно даже думать, что это единственное средство состязаться съ этимъ могуществомъ.

Скажутъ, конечно, что все это не болѣе какъ мечты. На практикѣ осуществленіе ихъ встрѣчаетъ такія затрудненія, на которыя идти съ легкимъ сердцемъ невозможно. На это нуженъ полный поворотъ всей нашей внутренней и внѣшней политики. Знаю, что нуженъ поворотъ; но это — поворотъ необходимый и который рано или поздно, совершится, ибо онъ лежитъ въ порядкѣ вещей, къ нему ведетъ исторія. Желательно только, чтобы онъ совершился своевременно, съ заранѣе обдуманною цѣлью, а не подъ гнетомъ внѣшнихъ событій. Но рѣдко правительства и народы сознательно вступаютъ на новый путь; обыкновенно они влекутся обстоятельствами. Нужна была Крымская война, чтобы совершилось освобожденіе крестьянъ и всѣ

тѣ великія реформы, которыя заранѣе уже были намѣчены въ умахъ мыслящихъ русскихъ людей. И теперь желательно, чтобы русское общество выяснило себѣ свое положеніе и тѣ цѣли, къ которымъ оно идетъ. Только этимъ путемъ оно приготовится къ лучшему будущему, и когда грянутъ событія, они не застанутъ его врасплохъ.

Въ этихъ видахъ я и считалъ полезнымъ обмѣнъ мыслей съ такимъ образованнымъ и безпристрастнымъ человѣкомъ, какъ вы. Но при настоящихъ условіяхъ и при нынѣшнемъ настроеніи, я считаю излишнимъ идти далѣе указанія задачи. Когда вопросъ на практикѣ вовсе даже не поставленъ, когда никто не думаетъ о разрѣшеніи его въ томъ смыслѣ, въ которомъ я указываю, говорить о средствахъ и путяхъ по меньшей мѣрѣ несвоевременно. Это было бы только празднымъ разглагольствованіемъ. Довольно и сказаннаго. Dixi et animam levari.

Перехожу къ еврейскому вопросу.

Вамъ кажется, что еврейскій вопросъ несравненно труднѣе и сложнѣе вопроса польскаго. На мои глаза, напротивъ, онъ въ законодательномъ отношеніи гораздо проще и

легче. Тутъ главное препятствіе заключается не въ политической розни народовъ, а въ накопившихся вѣками предразсудкахъ. Въ странахъ, гдѣ законодательство стало выше этихъ предразсудковъ, — а таковы всѣ западно-европейскія государства, — тамъ даже и не ставится вопросъ объ ограниченіи правъ Евреевъ. И тамъ бываютъ взрывы народныхъ страстей, но это задача полиціи, а не законодательства. Австрія не знаетъ, что дѣлать съ враждующими между собою народностями, но отношенія къ евреямъ нисколько не заботятъ правительство, несмотря на то, что антисемитизмъ тамъ очень распространенъ. Онъ остается явленіемъ общественнымъ, и государство не считаетъ себя призваннымъ его регулировать.

Но васъ смущаетъ именно это общественное явленіе. Въ принципѣ вы признаете, что „каждый просвѣщенный человѣкъ, въ которомъ не заглохли чувства правды и гуманности“, раздѣлитъ мои положенія „въ смыслѣ стремленія достигнуть цѣли гражданской свободы и уравненія правъ Евреевъ“. „Но въ то же время, говорите вы, едва-ли какой-либо государственный человѣкъ или общественный

дѣятель, знакомый съ исторіей поселенія Евреевъ въ Россіи, знающій дѣйствительныя условія жизни русскихъ и Евреевъ, считалъ бы возможнымъ привести сразу эти положенія въ исполненіе, безъ необходимой постепенности и предварительныхъ мѣръ подготовки". Въ подтвержденіе вы ссылаетесь на собственныя мои слова, что политика есть наука „относительнаго", что полезное въ одно время или для одной части населенія можетъ быть вредно въ другое время или для другой части, что недостаточно одного теоретическаго разрѣшенія вопросовъ, а нужно примѣненіе къ историческимъ и фактическимъ условіямъ жизни. Въ виду этого вы предлагаете цѣлый рядъ переходныхъ мѣръ, растянутыхъ на неопредѣленное время.

Въ „*Политикѣ*" я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ обсужденіе теоретическихъ вопросовъ и касался практическаго ихъ примѣненія лишь настолько, насколько это было нужно для выясненія общихъ началъ. Но я готовъ обсудить вопросъ и съ этой стороны. Именно потому, что политика есть наука относительнаго, надобно разобрать, въ какихъ именно случаяхъ переходныя мѣры бываютъ нужны,

и въ какихъ, напротивъ, онѣ могутъ быть излишни или даже вредны.

И тутъ, прежде всего, надобно установить фактическую сторону дѣла. Вы возстаете противъ моего взгляда на евреевъ, какъ на такое племя, отъ котораго человѣчество получило все свое нравственное достояніе и которому оно, поэтому, обязано вѣчною благодарностью. Вы утверждаете, что между древнимъ Израилемъ Палестины и современнымъ космополитическимъ еврействомъ такая же разница, какъ между нынѣшними Греками и современниками Платона, Аристотеля и Перикла. Признаюсь, меня такое сопоставленіе нѣсколько удивляетъ. Оно было бы умѣстно, если бы нынѣшніе Греки сохранили неприкосновеннымъ поклоненіе Олимпійскому Зевсу и Аѳинѣ-Палладѣ. Но ни въ вѣрованіяхъ, ни въ учрежденіяхъ, ни въ характерѣ мы не можемъ замѣтить ни единой черты сходства между нынѣшними Греками и ихъ отдаленными предками. Евреи, напротивъ, сохранили неприкосновеннымъ именно то, что имъ было завѣщано, какъ народная святыня, то, что составляло, можно сказать, самую душу еврейскаго народа. Во имя этой святыни они въ

теченіе тысячелѣтій подвергались всякаго рода гоненіямъ и притѣсненіямъ; эта святыня составляла для нихъ высшую духовную связь, когда они были разсѣяны по всей землѣ; именно это и было причиною постояннаго ихъ очужденія отъ другихъ народовъ. Вы указываете на это отчужденіе, но почему-то не сочли нужнымъ обратить вниманіе на его источникъ.

Напрасно вы говорите, что чистыя скрижали Моисея давно растеряны и затемнены Талмудомъ и двадцативѣковымъ скитаніемъ и бѣдствіемъ. Именное то и удивительно, что двадцативѣковое скитаніе и бѣдствіе не затемнили этого чистаго источника, изъ котораго и Евреи, и христіане черпаютъ свою духовную пищу. Вы повторяете ходячую фразу о преобладаніи Талмуда надъ Библіей, но, признаюсь, мнѣ еще не удавалось встрѣтить какія-нибудь доказательства въ подтвержденіе этого взгляда. О Талмудѣ нерѣдко говорятъ тѣ, которые менѣе всего съ нимъ знакомы. Конечно, нельзя и требовать этого знанія; но можно, хотя бы поверхностно, познакомиться съ источниками, доступными всѣмъ, напримѣръ, съ тѣми нравственно-рели-

гіозными поученіями, которыя преподаются въ еврейскихъ школахъ въ Россіи. Видно-ли въ нихъ „затемненіе чистыхъ скрижалей Моисея“? Напротивъ, изъ этихъ скрижалей извлечены самыя высокія нравственныя начала; въ этихъ поученіяхъ господствуетъ такой широкій духъ любви, который могъ бы украсить любую христіанскую проповѣдь. Невѣрно, поэтому, ваше утвержденіе, что „исчезло то еврейство, которое породило христіанство“. Оно не только не исчезло, но своимъ духомъ и своей культурой оно сблизилось съ христіанскими народами. И теперь, такъ же, какъ и прежде, ихъ святыня есть вмѣстѣ и наша святыня. Мы черпаемъ изъ того же источника; мы ихъ священныя книги считаемъ писанными самимъ Богомъ для наставленія человѣчества. Если храненіе этого священнаго завѣта выдѣляетъ Евреевъ изъ всѣхъ другихъ народовъ, то, казалось бы, это очужденіе всего менѣе должно проявляться со стороны христіанъ, вѣрующихъ въ Библію; а между тѣмъ, выходитъ наоборотъ. Мы никогда не воздвигали гоненій на магометанъ; мы не ограничиваемъ ихъ правъ, позволяемъ имъ селиться, гдѣ угодно, и дѣлать, что хотятъ.

Относительно же Евреевъ, отъ которыхъ, повторяю, мы получили все свое нравственное достояніе, мы слѣдуемъ совершенно иной политикѣ. Какъ же это объяснить?

Нельзя не сказать, что въ этомъ проявляется весьма невысокая черта человѣческой природы. Чѣмъ ближе люди, тѣмъ рознь между ними принимаетъ болѣе ожесточенный характеръ. Примѣромъ могутъ служить отношенія православныхъ къ раскольникамъ и Русскихъ къ Полякамъ. Магометанъ и язычниковъ мы терпимъ, а раскольниковъ притѣсняемъ; дальнимъ Славянамъ мы готовы протянуть братскую руку, а близкихъ мы держимъ въ оковахъ. По ученію Дарвина, борьба за существованіе кипитъ въ особенности между близкими сродичами, а между дальними она слабѣваетъ. Къ физической природѣ эта теорія мало приложима, но въ человѣческихъ отношеніяхъ оно оправдывается вполнѣ. Однако, мало есть явленій, которыя бы болѣе противорѣчили духу христіанства. Изъ-за чего воздвигались гоненія на Евреевъ и происходитъ постоянное отъ нихъ отчужденіе, на это вы сами указали, приведя слова Императрицы Елисаветы: ихъ считаютъ *врагами Христа*. Че-

ловѣкъ, въ своей гордынѣ, воображаетъ себя мстителемъ за Бога. Забываютъ, что Христосъ на крестѣ простилъ своимъ врагамъ и оставилъ эту заповѣдь всѣмъ, кто въ Него вѣруетъ. Забываютъ, что апостолъ язычниковъ гордился тѣмъ, что онъ Еврей, и взывалъ къ обращеннымъ имъ племенамъ, чтобы они не превозносились передъ отсѣченными вѣтвями: „не хвалися на вѣтки... не ты корень носиши, но корень тебе“ (Римл. XI, 18). Въ Евреяхъ онъ видѣлъ корень христіанства, и корень, не отсѣченный на вѣки, а предназначенный къ новой полнотѣ жизни, на благо всему человѣчеству. Если паденіе ихъ было спасеніемъ міра, говорилъ онъ христіанамъ, которые чуждались Евреевъ, то тѣмъ паче ихъ полнота: „аще-ли же прегрѣшеніе ихъ богатство міра и отпаденіе ихъ богатство языковъ; колми паче исполненіе ихъ“ (Тамъ же, 12). Въ виду этихъ обѣтованій, трудно понять, какимъ образомъ вѣрующій христіанинъ можетъ думать, что нынѣшніе Евреи не имѣютъ ничего общаго съ прежними. Даже для невѣрующаго это удивительное сохраненіе своихъ особенностей и своего духовнаго достоянія среди тысячелѣтнихъ гоненій и бѣдствій,

въ народѣ, разсѣянномъ по всей землѣ и не имѣющемъ своего пристанища, представляется признакомъ какого-то высокаго призванія въ будущемъ. Но еще менѣе понятно, какимъ образомъ можно, быть ненавистникомъ и гонителемъ Евреевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считать себя истыннымъ христіаниномъ, исповѣдующимъ законъ милосердія и любви. Это опять одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыми изобилуетъ человѣческая природа, но которыя не свидѣтельствуютъ о ея нравственной высотѣ.

Если же мы, какъ истинные христіане, признаемъ, что гоненіе и всякое притѣсненіе Евреевъ противорѣчитъ духу религіи милосердія и любви; если мы, расширяя вопросъ, признаемъ, что государство вовсе не призвано вмѣшиваться въ дѣла совѣсти, которыя составляютъ неприкосновенную святыню человѣка; если, наконецъ, самый нашъ положительный законъ провозглашаетъ вѣротерпимость основнымъ закономъ русскаго государства „да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи

благоденствія и укрѣпленіи силъ Имперіи" (Основ. Зак., ст. 45), — то на какомъ основаніи будемъ мы ограничивать права людей, причастныхъ тому или другому вѣроисповѣданію, и какія тутъ нужны переходныя мѣры? Неужели этого требуетъ политика?

Есть случаи, когда переходныя мѣры бываютъ необходимы. Таково, напримѣръ, было положеніе дѣлъ при освобожденіи крестьянъ. Тутъ связаны были хозяйственные интересы двухъ сословій, изъ которыхъ одно было подвластно другому. Если бы помѣщики разомъ были лишены крѣпостнаго труда, то значительная ихъ часть была бы не въ состояніи справиться съ своею задачею. И тѣмъ не менѣе многіе предпочли разомъ покончить съ обязательными отношеніями, даже потерявши часть капитала, нежели оставаться въ переходномъ положеніи. Могу сказать, что тѣ, которые сдѣлали это умѣючи, не остались въ накладѣ; ибо переходное состояніе, иногда неизбѣжное, всегда бываетъ сопряжено съ значительными невыгодами. Въ этомъ случаѣ, однако, оно являлось требованіемъ самой жизни; но зачѣмъ оно нужно при отмѣнѣ ограниченій, связанныхъ съ исповѣданіемъ

извѣстной вѣры? Ограниченіе правъ есть нѣкотораго рода наказаніе; если я убѣдился, что человѣка не за что наказывать, то какая тутъ нужна постепенность?

Представимъ себѣ, что еретиковъ жгутъ на кострахъ. Правительство убѣждается, что это — вопіющее преступленіе противъ человѣчества, но слѣдуя правиламъ политики, оно считаетъ возможнымъ отмѣнить наказаніе только постепенно. Сперва, въ видахъ смягченія, еретикамъ просто отрубаютъ голову, затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имъ отсѣкаютъ правую руку, потомъ ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время сажаютъ въ тюрьму, затѣмъ не выпускаютъ изъ мѣста жительства, и наконецъ уже, по прошествіи полустолѣтія, имъ просто дозволяютъ исповѣдывать свою, вѣру по внушенію совѣсти. Что скажете вы о такой политической мудрости? Вы, вѣроятно, примете это за шутку; но чѣмъ же эта постепенность разнится отъ той, которая предлагается въ отношеніи къ Евреямъ? Мѣры могутъ быть болѣе или менѣе круты, но система та же. Вѣдь Евреи не совершили никакого другого преступленія, кромѣ того, что они исповѣдуютъ

извѣстную вѣру. Это признаетъ самъ законъ: какъ скоро они отреклись отъ своей вѣры, такъ они пользуются полнотою правъ.

Скажемъ-ли мы, что, кромѣ вѣроисповѣднаго вопроса, тутъ надобно принимать во вниманіе историческія условія поселенія Евреевъ въ Россіи? На этомъ вы настаиваете. Но въ чемъ состоятъ эти условія? Мы присоединили къ себѣ край, въ которомъ была поселена значительная масса Евреевъ; черезъ это они сдѣлались русскими подданными. Какъ же русское государство должно было смотрѣть на это населеніе: какъ на такое, которое было поставлено Провидѣніемъ подъ его руку для защиты и покровительства, или какъ на такое, которое было дано ему для притѣсненія? Я поставилъ этотъ вопросъ въ *„Политикѣ“*, но вы не сочли нужнымъ на него отвѣчать. Для того, кто придаетъ государству нравственное значеніе, а не считаетъ его просто системою притѣсненія людей, великимъ разбоемъ, по выраженію бл. Августина, отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ. А потому я не понимаю вашего обратнаго вопроса: „почему можно считать справедливымъ распространить невольный историческій даръ и на то населеніе,

которое цѣлые вѣка обходилось безъ него, которому самому тѣсно и скудно добывать себѣ пропитаніе и которое ничѣмъ не обнаруживаетъ охоты къ сближенію?“ Отвѣчаю: просто потому, что Евреи такіе же русскіе подданные, какъ и другіе, а потому должны пользоваться защитой и покровительствомъ русскихъ законовъ. Когда человѣкъ селится въ какомъ-нибудь мѣстѣ, у сосѣдей не спрашиваютъ, желаютъ-ли они, чтобы онъ возлѣ нихъ жилъ. Точно также, когда онъ избираетъ какой-нибудь промыселъ или занятіе, онъ дѣлаетъ это на свой страхъ и рискъ, не спрашивая ничьего дозволенія, и законъ ограждаетъ его отъ всякаго посягательства со стороны другихъ. Это азбука всякаго гражданскаго порядка, основаннаго не на крѣпостномъ правѣ, а на общей свободѣ. Ограниченіе же правъ, запрещеніе выѣзжать изъ извѣстной черты и заниматься извѣстными промыслами, есть не защита, а притѣсненіе. Чѣмъ же Евреи это заслужили? Въ вашихъ возраженіяхъ я не нахожу на это отвѣта.

Вы говорите, что Евреи энергичны, предпріимчивы, культурны, а потому могутъ быть опасными соперниками для Русскихъ. Въ пер-

вый разъ слышу, что энергія, предпріимчивость и культурность суть преступленія, за которыя человѣкъ подлежитъ ограниченію правъ. Казалось бы, напротивъ, что государству выгодно имѣть такое населеніе. Вы указываете на примѣръ Франціи, гдѣ равноправность Евреевъ привела къ тому, что они заняли значительныя положенія въ высшемъ финансовомъ мірѣ и оказываютъ огромное вліяніе на всю экономическую и административную жизнь страны. Другіе съ ужасомъ приводятъ статистическія данныя, изъ которыхъ оказывается, что въ рукахъ 80,000 Евреевъ находится цѣлая седьмая часть народнаго капитала. По моему, это должно служить имъ въ похвалу. Если 80,000 человѣкъ изъ 30 милліоновъ, работая неутомимо, безъ всякихъ привилегій, умѣли создать цѣлую седьмую часть народнаго капитала, идущаго на оживленіе промышленности и торговли и на плату рабочимъ, то какія чувства можетъ вызвать это явленіе, кромѣ удивленія и благодарности? Развѣ только зависть въ низкихъ душахъ? И если между Евреями находятся способные люди, которые становятся во главѣ финансовыхъ предпріятій, то отъ этого, кромѣ пользы

для государства и общества, ничего не можетъ получиться. Не вижу, чтобы во Франціи отъ этого произошло какое нибудь зло. Полагаю, поэтому, что и у насъ распространеніе способнаго, предпріимчиваго и культурнаго племени по всей русской землѣ могло бы существенно поднять ея благосостояніе. Примѣръ Малороссіи показываетъ, что Великой Россіи въ этомъ отношеніи нечего опасаться.

Вы ссылаетесь на недоброжелательныя чувства значительной части русскаго населенія къ Евреямъ. Дѣйствительно, благодаря вѣками накопившимся предразсудкамъ, это чувство весьма распространено не только въ низшихъ слояхъ, но и въ такъ-называемыхъ образованныхъ классахъ, между людьми, въ другихъ отношеніяхъ обладающими достаточно развитымъ нравственнымъ сознаніемъ. Нерѣдко оно проявляется въ такихъ формахъ, которыя невольно заставляютъ переноситься къ первобытнымъ временамъ человѣчества.

У дикихъ племенъ непріязнь къ чужому принимаетъ характеръ какого-то физическаго инстинкта, въ родѣ того, который побуждаетъ собаку кидаться на кошку. Слѣды этого инстинкта сохраняются даже и среди высоко

образованныхъ народовъ, какъ вѣчное напоминаніе человѣку, что онъ произошелъ отъ персти. Толпу, въ особенности, ничего не стоитъ натравить на чужаго и если этотъ чужой можетъ быть представленъ, какъ врагъ самого Божества, и если онъ, къ тому же, болѣе или менѣе зажиточный человѣкъ, то разграбленіе или уничтоженіе его имущества является чѣмъ-то въ родѣ народнаго праздника. Но слѣдуетъ или изъ этого, что надобно подвергать наказанію тѣхъ людей, которые служатъ предметомъ подобной непріязни? Въ русскомъ обществѣ довольно распространено нерасположеніе къ Нѣмцамъ; надобно-ли вслѣдствіе этого ограничить права послѣднихъ? Полагаю, что именно эти зоологическія стороны человѣческой природы менѣе всего должны быть поощряемы законодателемъ. Вы сами признаете, что въ Малороссіи населеніе обжилось съ Евреями и пользуется ихъ услугами; стало быть, они не вредны, а полезны. Обживутся и другіе, когда придутъ съ ними въ болѣе близкое соприкосновеніе. Во всякомъ случаѣ изъ этой дилеммы нельзя выйти: или они вредны, и тогда за что населеніе нѣкоторыхъ губерній отдано имъ на жертву?

Или они полезны, и тогда за что ограничивать ихъ гражданскія права и лишать остальное населеніе приносимыхъ ими выгодъ, которыя, вдобавокъ, тысячекратъ умножатся при свободномъ разселеніи и свободномъ выборѣ занятій, тогда какъ нынѣшнія ограниченія порождаютъ искусственное зло? Но въ благоустроенномъ обществѣ категорія вредныхъ людей менѣе всего допустима. Это — порожденіе революціонныхъ или деспотическихъ правленій. Государство, имѣющее ясное и твердое сознаніе права, издаетъ законы, воспрещающіе извѣстныя дѣйствія, и кто ихъ нарушаетъ, къ какому бы племени или вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ, подвергается за это наказанію. Если же подданный не совершилъ никакого проступка, онъ воленъ дѣлать все, что ему угодно. Проступки его соотечественниковъ не могутъ служить поводомъ къ ограниченію его правъ. Таковъ непреложный законъ справедливости.

Поставимъ-ли мы, наконецъ, Евреямъ въ вину ихъ тѣсную связь между собою, ихъ кагальныя отношенія? Иногда это выражаютъ даже такъ, что нельзя терпѣть государства въ государствѣ. Но вы сами указываете, что

эти кагальныя отношенія были въ значительной степени устроены самимъ русскимъ правительствомъ и именно въ такую пору, когда не допускалось даже и лѣни государства въ государствѣ. Послѣднее есть не болѣе, какъ метафора, или, лучше сказать, пустая фраза. Тутъ не государство въ государствѣ, а весьма обычное въ каждомъ государствѣ корпоративное устройство, скрѣпленное духовною связью. Вы считаете это обособленное устройство вреднымъ и желаете, чтобы оно было разбито. Но если вы хотите, чтобы Евреи слились съ остальнымъ населеніемъ, то надобно прежде всего снять всѣ юридическія ограниченія. Тѣ предложенія, которыя вы дѣлаете, идутъ прямо въ разрѣзъ съ этою цѣлью. Пока не будетъ полной равноправности, Евреи всегда будутъ чувствовать себя особымъ разрядомъ людей, и тѣмъ тѣснѣе будутъ держаться другъ за друга, чѣмъ уже тѣ рамки, въ которыя они вставлены. Притѣсняемые всегда другъ друга поддерживаютъ; это единственное ихъ спасеніе и это служитъ имъ въ похвалу. Но даже и при полной равноправности нельзя ожидать, что Евреи расплывутся въ массѣ. Между ними всетаки останется

болѣе или менѣе тѣсная связь, основанная на происхожденіи и религіи. Намъ, Русскимъ, такого рода связи совершенно чужды. Славяне издавна извѣстны были тѣмъ, что они между собою ссорились. Поэтому, когда мы среди себя видимъ чужеродцевъ, сплоченныхъ между собою, мы на это негодуемъ и требуемъ, чтобы правительство тотчасъ вмѣшалось и разбило эту связь. А между тѣмъ, именно эти связи служатъ лучшимъ залогомъ крѣпости общественнаго строя, а вмѣстѣ и лучшимъ оплотомъ человѣческой свободы. Только тамъ, гдѣ есть подобные прочные союзы, возможна разумная общественная самодѣятельность.

Вообще, всѣ эти опасенія насчетъ равноправности Евреевъ во многомъ напоминаютъ тѣ опасенія, которыя высказывались передъ освобожденіемъ крестьянъ. Если вы когда-нибудь заглядывали въ напечатанные протоколы разныхъ комитетовъ, собиравшихся при Императорѣ Николаѣ I по поводу частныхъ вопросовъ, касавшихся помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ, всего за нѣсколько лѣтъ до освобожденія, вы могли видѣть, какъ наши тогдашніе государственные люди, изъ кото-

рыхъ нѣкоторые были недюжинные, дрожали надъ каждою мелочью и предсказывали Богъ знаетъ какія смуты по поводу самыхъ ничтожныхъ мѣропріятій. Когда же, наконецъ, правительство смѣло и рѣшительно принялось за реформу, предсказывали, что будетъ всеобщее возстаніе и рѣзня помѣщиковъ. Ничего подобнаго не случилось; все обошлось очень благополучно. Дѣло въ томъ, что у насъ опасенія бюрократической близорукости часто выдаются за соображенія государственной мудрости. Всякое свободное движеніе жизни кажется *опаснымъ*. Придумываютъ разные ужасы для того, чтобы устранить то, что не заключаетъ, что все пропало, если не держать людей въ клѣткѣ, подъ охраною всемогущаго чиновничества. Я весьма далекъ отъ мысли, что вы раздѣляете подобные взгляды, но боюсь, что вы можете оказать имъ поддержку.

Истинный государственный человѣкъ смотритъ на вещи шире. Политика не состоитъ въ мелкихъ притѣсненіяхъ. Надобно дать людямъ тотъ просторъ и тѣ права, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка, и безъ которыхъ нѣтъ ни благоустроеннаго гражданскаго быта, ни плодотворнаго общественнаго

развитія. Кто всего боится, тотъ ничего не сдѣлаетъ, а задержитъ только естественный ходъ вещей, къ великому ущербу народа и государства. Прежде же всего нужно ясное сознаніе тѣхъ началъ, на которыхъ строится существующій порядокъ вещей. Какъ скоро мы вступили на почву гражданской свободы, такъ главная наша задача должна состоять въ томъ, чтобы провести это начало въ жизнь во всей его полнотѣ и во всѣхъ его послѣдствіяхъ. Иначе на каждомъ шагу будутъ столкновенія и замѣшательства. Къ сожалѣнію, въ то время, какъ весь нашъ бытъ измѣнился, въ то время, какъ величайшія преобразованія придали новый видъ русской землѣ, наши взгляды во многомъ остались крѣпостными, и это парализуетъ по нашу дѣятельность и вноситъ произволъ во всѣ отношенія. Пока даже образованные въ правѣ сказать человѣку, не совершившему никакого преступленія: „ты не смѣй туда ѣздить, ты не смѣй здѣсь селиться, ты не смѣй этимъ заниматься“, до тѣхъ поръ о справедливости, о благоустройствѣ, объ огражденіи свободы и права у насъ не можетъ быть рѣчи. Все это остается только чаяньемъ будущаго.

Это чаянье составляетъ утѣшеніе тѣхъ, которые были свидѣтелями великой эпохи преобразованій и которые видятъ, что съ ними сталось. Вѣра въ будущность русскаго народа въ насъ не изсякла, и мы твердо уповаемъ, что взойдетъ солнце правды на русской землѣ, взойдетъ и для Евреевъ, и для Поляковъ, и для штундистовъ, и для духоборцевъ. Мы съ вами стары и этого не увидимъ, но это непремѣнно будетъ. Ручательствомъ тому служатъ великія реформы Александра II, обновившія ваше отечество и двинувшія его на новый путь. Силою вещей надобно по нему идти. Мы можемъ только желать, чтобы дальнѣйшіе шаги совершались не въ силу какихъ-либо внѣшнихъ или внутреннихъ потрясеній, а въ силу развитія общественной мысли и сознанія правительствомъ своихъ высокихъ обязанностей.

Rosenthal & Co., Berlin N., Johannisstrasse 20.

Сейчасъ думалъ, что надо помнить, что время для исполненія мною предназначеннаго мнѣ въ этомъ мірѣ дѣла на исходѣ, и грѣхъ тратить его непроизводительно, т. е. не служа дѣлу Божію.

Сколько ни обдумывалъ я вопросъ объ отношеніи дѣла Божія къ внутреннему совершенствованію любви, я не могу выйти изъ того положенія, что задача жизни — исполненіе дѣла Божія уничтоженія разъединенія равно увеличенію любви; и что совершиться это дѣло можетъ только черезъ дѣла, въ которыхъ происходитъ внутреннее совершенствованіе въ любви.

Сейчасъ пишу и думаю такъ:

Цѣль жизни есть проникновеніе всѣхъ ея явленіи любовью, — есть медленное, постепенное претвореніе злой жизни въ добрую,— есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная), — есть рожденіе истинной, т. е. любовной жизни.

* * *

Въ чемъ суть того дѣла, которое должно итти параллельно строго выдержанной жизни? — спрашиваете вы.

Дѣло которое мы призваны дѣлать въ жизни, — двоякое, хотя и достигается однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ: внѣшнее дѣло состоитъ въ томъ, чтобы своей жизнью содѣйствовать установленію Царства Божія на землѣ, т. е. замѣна вражды, борьбы и разъединенія — согласіемъ, взаимной помощью и единеніемъ, — такое состояніе, при которомъ копья были бы перекованы на серпы . . . и т. д. Содѣйствовать этому мы можемъ правдивостью въ словахъ и дѣлахъ; внутреннее дѣло состоитъ въ совершенствованіи, въ приближеніи къ Богу: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“. Для того же, чтобы постоянно совершенствоваться, нужно увеличивать въ себѣ любовь, т. е. расширять кругъ своей любви, любить не за то, что̀ намъ пріятно, а любить, какъ Богъ любитъ существа, только затѣмъ, чтобы желать и доставлять имъ благо. Для того же чтобы увеличивать въ себѣ любовь, нужно только не мѣшать ей проявляться и расти. Она всегда сама собой стремится къ увеличенію. Мѣшаютъ же проявленію любви соблазны. Соблазны же состоятъ въ томъ, чтобы считать своимъ благомъ и цѣлью своей

жизни благо животной личности, а не увеличеніе любви. Увеличеніе любви и есть то дѣйствіе, посредствомъ котораго достигаются обѣ цѣли: и содѣйствія установленію Царства Божія, и достиженія наивысшаго совершенства . . . Такая жизнь имѣетъ за себя болѣе вѣроятій счастія даже земного, чѣмъ жизнь мірская, имѣющая цѣлью благо животной личности. Такая жизнь не исключаетъ всѣхъ самыхъ доступныхъ всѣмъ радостей, доставляемыхъ и природой, и весельемъ, и пѣніемъ, и дружбой, и общеніемъ съ людьми и животными.

* * *

Жизнь для себя — муки, потому что хочется жить для иллюзіи, для того, чего нѣтъ, и это не можетъ быть не только счастливо, но не можетъ быть. Все равно какъ одѣвать и кормить тѣнь. Жизнь только внѣ себя, въ служеніи другимъ и не въ служеніи близкимъ, любимымъ — это опять для себя, а въ служеніи тѣмъ, кого не любишь, еще лучше — въ служеніи врагамъ.

* * *

Вся та жизнь, которую я веду, вѣдь только tatonement, а надо твердо поставить всю жизнь

на это: искать, желать, дѣлать одно добро людямъ — любить и увеличивать въ нихъ любовь, уменьшать въ нихъ нелюбовь. Доброе людямъ? Что̀ доброе? Одно: любовь. Я это по себѣ знаю и потому одного этого желаю людямъ, для одного этого работаю. Не нащупывая, а смѣло жить этимъ значитъ то, чтобы забыть то, что ты русскій, что ты баринъ, что ты мужикъ, что ты женатъ, что ты отецъ и т. п., а помнить одно: вотъ передъ тобой живой человѣкъ; пока ты живъ, ты можешь сдѣлать то, что̀ дастъ тебѣ и ему благо, и исполнить волю Бога, того, кто послалъ тебя въ міръ, — можно связать себя съ нимъ любовью.

* * *

Испыталъ радостное чувство перенесенія смысла жизни въ желаніе служенія Богу черезъ служеніе людямъ, желаніе блага всѣмъ, съ кѣмъ встрѣтишься.

И такая жизнь возможна и радостна.

* * *

Спроси себя хорошенько, чего ты хочешь изъ двухъ: чтобы тебя сейчасъ возвеличили,

чтобы ты видѣлъ плоды своихъ дѣлъ, но было бы возможно сомнѣніе въ твоемъ дѣлѣ; или чтобы ты былъ не понять, поруганъ до конца, но дѣло твое было бы навѣрно дѣло Божье?

* * *

Какъ страшно это забыть Бога! А это дѣлается незамѣтно. Дѣла для Бога подмѣняются дѣлами для людей, для славы, а потомъ для себя, для своего сквернаго себя. И когда трешься объ эту скверность, хочется опять подняться.

* * *

Часто тратишь свои душевныя силы безполезно. Это грѣхъ. Силы эти даны на служеніе. Только на это они и должны быть расходуемы. А это изъ приличія, изъ тщеславія, изъ апатіи тратишься такъ, что не остается силъ и времени на служеніе.

* * *

То ли ты дѣлалъ, что̀ тебѣ нужно дѣлать, — получаетъ огромную важность, потому что единственный смыслъ жизни твоей только въ томъ, то ли ты дѣлаешь въ этотъ короткій данный тебѣ срокъ жизни, чего хочетъ отъ

тебя Тотъ или То, что̀ послало тебя въ жизнь. То ли ты дѣлаешь?

* * *

Языческое пониманіе говоритъ тебѣ, что жизнь твоя — твоя плотская собственность; христіанство говоритъ тебѣ, что жизнь твоя есть тотъ садъ, который данъ былъ виноградарямъ со всѣми деревьями и колодцемъ и плодами только для того, что виноградари, пользуясь садомъ, отдавали бы хозяину плоды его.

* * *

Намъ данъ коротенькій срокъ для пребыванія тутъ, вотъ-вотъ насъ всѣхъ или по одиночкѣ уберутъ опять туда — и на нашихъ глазахъ уже убираютъ нѣкоторыхъ — и намъ дано на выборъ: провести этотъ короткій неопредѣленный срокъ радостно, отдаваясь вложенному въ насъ чувству состраданія и любви другъ къ другу, или спорить, ссориться, драться и всякими жестокостями устанавливать такой порядокъ вещей, который, мы знаемъ, не продолжится и нѣсколькихъ лѣтъ, который мы сами не одобряемъ; провести данное намъ мгновеніе, любя другъ друга и пользуясь вза-

имной лаской и любовью, или употребить всѣ свои силы на то, чтобы въ это короткое время сколь возможно больше измучить, озлобить другъ друга и съ злобой, упреками и проклятіями быть убраннымъ опять туда, откуда насъ выпустили.

* * *

Въ постигновеніи тобой истины, т. е. того, чего хочетъ отъ тебя Тотъ, кто дѣлаетъ черезъ тебя свое дѣло, — только въ этомъ твоя жизнь.

Ищите царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ.

Заботясь о мірскомъ, о томъ, что̀ кажется тебѣ нужнымъ для обезпеченія твоей плотской личности и жизни другихъ связанныхъ съ тобою людей, ты не достигаешь ни блага этой личности, ни блага тѣхъ другихъ людей, которое ты себѣ ставишь цѣлью; заботясь же о правдѣ царствія Божія, которое достигается признаніемъ и исполненіемъ той степени истины, которая открылась тебѣ, ты достигаешь и своего блага, и блага другихъ людей и исполняешь то, что̀ вложено тебѣ въ разумъ и сердце. Какъ же ты можешь не дѣлать этого?

* * *

Люди увѣрили себя, что это не важно, что важно другое. А между тѣмъ важнѣе того, чтобы дѣлать правду, ту правду, которая открыта человѣку, важнѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ.

То самое, чѣмъ мы пренебрегаемъ, тѣмъ исполненіемъ въ милыхъ дѣлахъ сейчасъ той правды которую мы знаемъ, это-то одно только и нужно. Исполненіе правды каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ и есть самое важное дѣло.

* * *

Жизнь человѣческая, страдальческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того чтобы не быть самой грубой насмѣшкой, должна имѣть смыслъ такой, при которомъ значеніе жизни не нарушалось бы продолжительностью или кратковременностью.

* * *

Если бы человѣкъ зналъ навѣрное, что жизнь его кончается этой жизнью, то что̀ бы сталъ онъ дѣлать на закатѣ жизни, какъ я? Дѣла всѣ здѣшнія перешли уже въ другія, болѣе молодыя руки, а что-же дѣлать ему?

Только когда вѣришь, что жизнь не кон-

чается здѣсь, остается всегда самая важная и всегда интересная и нужная работа надъ своей душой, которая не пропадетъ, а окажется нужной тамъ.

* * *

Я послѣднее время часто думалъ объ одномъ давно извѣстномъ соображеніи, но которое съ особенной живостью мнѣ приходитъ все это время въ голову и бодритъ меня; а именно: если выразить только однимъ наипростѣйшимъ и яснѣйшимъ предложеніемъ смыслъ, сущность, цѣль жизни, то я для себя ее выражаю такъ, какъ сказано Ін. VI, 38 и въ особенности 39: возрастить въ себѣ, довести ее до высшей возможной степени божественности ту искру, то разумѣніе, которое дано, поручено мнѣ, какъ дитя нянькѣ. Это опредѣленіе смысла жизни шире всѣхъ другихъ, включаетъ всѣ другія.

Что же нужно для того, чтобы исполнить это, возрастить это дитя? Не нѣга, а трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія, то самое, что сказано много разъ въ евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и въ малыхъ, и въ большихъ раз-

мѣрахъ. Только бы мы умѣли принять это, какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную работу, а не какъ нѣчто досадное, нарушающее нашу столь хорошо устроенную жизнь.

Обыкновенно дѣлается такая ошибка. Говорятъ: „вотъ обстоятельства, которыя нарушаютъ или грозятъ нарушить нашу хорошую жизнь; надо какъ-нибудь поскорѣе обойти, превозмочь эти обстоятельства, съ тѣмъ чтобы продолжать свою хорошую жизнь“. Въ дѣйствительности же, надо смотрѣть на дѣло совершенно обратно: „Вотъ была жизнь, которую мы установили съ большой внутренней борьбой и трудами, и жизнь эта удовлетворяла нашимъ нравственнымъ требованіямъ; но вотъ являются новыя обстоятельства, заявляющія новыя нравственныя требованія: давайте же, постараемся отвѣтить наилучшимъ образомъ на эти требованія“. Эти обстоятельства не случайность, которую можно устранить, но требованія новыхъ формъ жизни, въ которыхъ я долженъ испытать себя и къ которымъ долженъ приготовить себя, какъ я готовилъ себя къ предшествующей формѣ жизни.

* * *

Богу, по моему понятію, не нужно никакихъ жертвъ. Богу нужно одно то, чтобы мы соблюдали и возрастили тотъ талантъ, ту божественную сущность, которая дана намъ, которая поручена намъ, какъ дитя нянѣ, разумѣя подъ этимъ талантомъ не какое-либо увеличеніе умственное или образованіе, а увеличеніе только нашей любви къ Богу и его твари. Такъ что человѣкъ, исполняющій это дѣло Божіе, всегда неизбѣжно исполнитъ и все остальное и будетъ, самъ не зная того, многообразно полезенъ всѣмъ людямъ.

* * *

Жизнь дана мнѣ только подъ условіемъ дѣланія дѣлъ любви. И жизнь дана мнѣ, какъ талантъ, для роста; расти же жизнь не можетъ иначе, какъ дѣлами любви. И моя жизнь истинная есть только та, которая возращена мною. Такъ, что, не сохраняя эту жизнь и и только тратя ее, я пріобрѣтаю жизнь истинную, вѣчную.

* * *

Главное, понимать то, что̀ сказано (Мѳ. XXV), что жизнь наша не дана намъ для нашего увеселенія или радости, а мы рабы, орудія, органы Бога, которымъ предназначено дѣ-

лать Его дѣло (а дѣло, кажущееся незамѣтнымъ, которое вы сдѣлаете, можетъ быть въ тысячу разъ важнѣе громкихъ дѣлъ, намъ извѣстныхъ), и ежели мы дѣлаемъ это дѣло, намъ хорошо, гдѣ бы ни были, въ какихъ бы условіяхъ ни были, больные или здоровые, старые или молодые. Дѣло же Его есть одно: возрастить порученный мнѣ талантъ, божественную искру; возращать же ее нельзя иначе, какъ любя ближнихъ и служа имъ, какъ и сказано въ концѣ той же главы.

* * *

Для того, чтобы быть твердымъ и не унывать, нужно, плавное, ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смыслъ нашей жизни, состоящій въ томъ, чтобы не только пронести черезъ эту жизнь, не потушивъ ее, ту искру божественной любви, которая вложена въ насъ и составляетъ нашу душу, но разжечь ее, сколько хватитъ нашихъ силъ, чтобы внести и въ ту жизнь, уже не искрой, а пламенемъ.

* * *

Всѣ не могутъ не признавать того, что всѣ произошли и находятся въ зависимости отъ

одного и того же начала, которое Христосъ называетъ Отцомъ, и что смыслъ нашей жизни въ томъ, чтобы исполнять Его волю, волю этого начала, и употребить жизнь на то самое дѣло, для котораго она дана намъ. Дѣло же это, мы всѣ несомнѣнно знаемъ, состоитъ въ томъ, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ этой жизни становиться самому добрѣе, т. е. самоотверженнѣе, любовнѣе, и участвовать въ томъ, чтобы сдѣлать этотъ міръ лучше хоть на крупинку, чѣмъ онъ былъ, когда мы вступили въ жизнь. Самимъ сдѣлаться лучше и міръ сдѣлать лучше; въ томъ, что въ этомъ задача жизни человѣка, — въ этомъ, я думаю, всѣ согласны. Все же другое, если въ этомъ согласиться, можно уступить или, по крайней мѣрѣ, просить позволенія не высказывать никакого мнѣнія ни о троицѣ, ни о революціи, ни о папѣ, ни о Марксѣ и т. п. Я, молъ, отъ васъ не требую никакой вѣры ни во что̀, кромѣ какъ въ то, что намъ надо стараться дѣлаться лучше и міръ дѣлать лучше.

* * *

То, что цѣль жизни есть самосовершенствованіе, совершенствованіе безсмертной души,

есть единственная цѣль жизни человѣка, справедливо уже потому, что всякая другая цѣль, въ виду смерти, безсмысленна.

* * *

Всѣ эти послѣдніе дни, особенно вчера, чувствую, примѣняю къ жизни сознаніе того, что цѣль жизни одна: быть совершеннымъ, какъ Отецъ, дѣлать то же, что̀ Онъ, то, чего Онъ хочетъ отъ насъ, т. е. любить, любовь чтобы руководила въ минуты самой энергичной дѣятельности, и чтобы одною ею дышать въ минуту величайшей слабости. Какъ только что-нибудь тяжело, больно, такъ сто̀итъ только вспомнить это, и все тяжелое, больное исчезаетъ, и остается одно радостное.

Человѣку, серьезно, искренне пользующемуся своимъ разумомъ, очевидно, что всѣ цѣли закрыты ему; одна только разумна: жить для удовлетворенія требованій Бога, своей совѣсти, своей высшей природы (все одно и то же). Если выразить это во времени, то—жить такъ, чтобы готовить свою душу къ переходу въ лучшій міръ; если выразить это точно внѣ времени, — слить свою жизнь съ ея безвременнымъ началомъ, съ добромъ, съ любовью, съ Богомъ.

Боюсь только одного: чтобы это такъ сильно и благотворно дѣйствующее на меня сознаніе единственной разумности и свободы, радостности жизни въ Богѣ не притупилось, не потеряло свое возносящее меня отъ дрязгъ жизни, освобождающее дѣйствіе. Ахъ, кабы всѣмъ! Кабы всегда такъ! Нынче ночью при этомъ свѣтѣ обдумывалъ разныя явленія жизни, и такъ было хорошо и радостно. Подожду экзамена, буду готовиться къ нему.

* * *

Во снѣ нынче думалъ, что самое короткое выраженіе смысла жизни такое: міръ движется, совершенствуется; задача человѣка участвовать въ этомъ движеніи и подчиняться и содѣйствовать ему.

* * *

Служить Богу и людямъ, но какъ? чѣмъ? Можетъ быть, нѣтъ этой возможности? Неправда, эта возможность всегда дана тебѣ, — дѣлаться лучше.

* * *

Смыслъ жизни только одинъ: самосовершенствованіе — улучшать свою душу. Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный. Ког-

да тяжело, когда мучаетъ что̀, вспомни, что въ жизни только ты — жизнь, и сейчасъ станетъ легко и радостно. Какъ радуется богачъ, собирая свое богатство, такъ радуешься и ты, если только положилъ въ этомъ одномъ жизнь. А для достиженія этого — преградъ нѣтъ. Все, что̀ кажется горемъ, преградой въ жизни, широкая ступень, сама подставляющаяся тебѣ подъ ноги, чтобы ты поднялся.

* * *

Каждый изъ насъ — это свѣтъ, божественная сущность, любовь, сынъ Божій, заключенное въ тѣло, въ предѣлы, въ цвѣтной фонарь, который мы же разрисовали нашими страстями, привычками, такъ что все, что̀ мы видимъ, мы видимъ только черезъ этотъ фонарь. Подняться, чтобы видѣть черезъ него, нельзя; наверху такое же стекло, сквозь которое и Бога мы видимъ, сквозь нами же разрисованное стекло. Одно, что̀ мы можемъ, это не смотрѣть сквозь стекло, а сосредоточиться въ себѣ, сознавать свой свѣтъ и ражигать его. И это одно спасеніе отъ обмановъ жизни, отъ страданій, соблазновъ. И это радостно — и всегда возможно.

* * *

Ясно представилъ себѣ, какая радостная, спокойная и вполнѣ свободная могла бы быть жизнь, если вполнѣ отдать себя Богу, т. е. во всѣхъ случаяхъ жизни искать только одного: сдѣлать то, чего Онъ хочетъ, сдѣлать это въ болѣзни, въ оскорбленіи, въ униженіи, въ страданіи, во всѣхъ соблазнахъ и въ смерти, которая тогда только перемѣна назначенія.

Слабость, неисполненіе того, чего хочетъ Богъ? Что же тогда? Ничего: возвращеніе къ сознанію того, что жизнь только въ этомъ исполненіи. Минуты слабости это промежутки между буквами жизни — не жизнь.

* * *

Главное то, что мы работники, отъ которыхъ скрытъ результатъ работы, которымъ не дано воспользоваться работой. Дано одно: возможность участія въ работѣ, сліянія интересовъ съ хозяиномъ.

Удивительно, какъ этотъ послѣдній выводъ, до котораго доходишь, опредѣленно и именно въ этой самой формѣ выраженъ Христомъ. Вѣдь это даже не сравненіе, — это само дѣло. Вся жизнь людей есть работа: работа на хозяина (фабричные и др.), работа пахоты и посѣва, уборки и опять посѣва, улучшеніе зем-

ли, породъ, построекъ, умственныя изобрѣтенія, — все не для себя, всѣмъ пользоваться не дано, а во всемъ есть благо въ самой работѣ Такова вся жизнь. Дано пользоваться только благомъ самой работы. И еще дано перенесеніе своего интереса въ интересъ другихъ, внѣ себя, въ интересъ хозяина или дѣла; и это перенесеніе интереса, это освобожденіе себя отъ интерера своего для гибнущаго себя возможно только черезъ работу.

Такъ въ работахъ жизни. И точно то же во всей жизни, когда на всю жизнь свою временную, плотскую, на направленіе своимъ произволомъ этой жизни смотрѣть (а иначе и смотрѣть нельзя), какъ на работу для дѣла Божьяго или, короче, для Бога. Только проводя свою жизнь всю для исполненія воли Бога и установленія царства правды, гдѣ его видишь, и въ соблюденіи истины, въ смиреніи и любви, гдѣ и не видишь, въ работѣ Божьей можно отрѣшиться отъ своего интереса тѣмъ, чтобы найти интересъ въ дѣлѣ Божьемъ. Сказать, что воспользуешься въ будущемъ этимъ дѣломъ, рисковано, не точно: нельзя доказать. Да и зачѣмъ? Когда участіе въ работѣ уже даетъ благо. Только начинаешь

участвовать, и уже чувствуешь благо; что же будетъ, если отдашься весь этой работѣ, сдѣлаешь привычку къ ней? Тогда благо настоящее будетъ такъ велико, что не нужно будетъ воображать себѣ никакого другого въ будущемъ.

Да, молитва, которую напишу на ногтѣ: помни, что ты работникъ дѣла Божьяго.

* * *

Думалъ все тоже о вредѣ избранія внѣшней цѣли для жизни. „Ищите царства Божьяго и правды его, а остальное приложится". Морякъ, руководись тѣмъ компасомъ, который въ твоемъ кораблѣ, — крошечной стрѣлкой, которая меньше въ тысячу разъ корабля, — а не видимымъ предметомъ, даже не звѣздами: все обманываетъ, кромѣ того, что въ тебѣ. Не заботься ни о томъ, чтобы написать важное сочиненіе, ни о томъ, чтобы люди познали истину, ни о томъ, чтобы ты оставался чистымъ въ глазахъ людей; заботься о томъ только, чтобы исполнить волю пославшаго тебя. Воля же пославшаго тебя та, чтобы ничего не погибло изъ того, что Онъ тебѣ далъ, а чтобы, напротивъ, воскресло, ожило, распустилось, очистилось все, что можетъ.

* * *

Вѣрно, что мнѣ поручены и дѣло Твое, и сила Твоя. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы проявить Тебя въ себѣ и въ мірѣ. Въ одномъ этомъ моя жизнь.

* * *

Вѣрно, что во мнѣ сила Твоя, данная для исполненія дѣла Твоего. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы пріувеличить силу Твою въ себѣ и во всемъ мірѣ.

* * *

Бросилъ щепку въ водоворотъ ручья и смотрю, какъ она крутится. Пароходъ только побольше немного, такая же щепка; земля — пылинка, 1000 лѣтъ — минута. Все ничто, все матеріальное ничто; одно реальное, несомнѣнное — законъ, по которому все совершается, и малое, и большое — воля Божія.

И потому хочешь жить не мечтательно, а реально — жить въ волѣ Бога.

* * *

Наборщикъ, не знающій языка, лучше набираетъ, не догадываясь по-своему смысла. Такъ надо и жить, не догадываясь о смыслѣ того, что̀ дѣлаешь, — не угадывать дѣла, будто бы нужнаго Богу, а дѣлать одно за другимъ то, что̀ велитъ Богъ — набирать

букву за буквой. А смыслъ всему далъ не я, а Онъ.

* * *

Чтобы узнать волю Отца, надо узнать истинную, основную свою волю. Она, сыновняя воля, всегда совпадаетъ съ отцовской.

* * *

Одна тайна всегда останется для человѣка, только одна: зачѣмъ я живу? Отвѣтъ разумный одинъ: затѣмъ, что это хочетъ Богъ. Зачѣмъ Онъ этого хочетъ? Это — тайна. И эта тайна покрывается только вѣрой Богу, вѣрой въ то, что Онъ, добрый, сдѣлалъ это и меня для добра.

* * *

Ясно думалъ и радостно о томъ, что жизнь моя, а потому, я заключаю, и всего, есть сила Божія, есть вся сила жизни, которая проходитъ черезъ меня, черезъ (ограниченное и органическое) часть всего, и я могу пропускать черезъ себя эту силу и могу задерживать ее. Вотъ вся моя роля въ жизни: задержать я не могу, но могу задерживать.

Жизнь міра мнѣ представляется такъ: черезъ безчисленныя и разнообразныя трубочки стремится жидкость, или газъ, или свѣтъ.

Свѣтъ этотъ есть вся сила жизни — Богъ. Трубочки эти — мы всѣ, существа. Однѣ трубочки неподвижны совсѣмъ, другія чуть-чуть, третьи больше, и, наконецъ, мы совсѣмъ подвижныя трубочки. Мы можемъ совсѣмъ пропускать свѣтъ, и можемъ загораживать его на время.

То, что̀ мы называемъ своею жизнью, личной жизнью — это способность стать поперекъ свѣту — не пропускать его; истинная же жизнь, есть способность стать такъ, чтобы пропускать свѣтъ вполнѣ, не задерживая его. Но когда человѣкъ сталъ такъ, движеніе его жизни кончается. Оно кончается, когда человѣкъ уже начинаетъ устанавливаться такъ. Движеніе жизни кончается, и тогда человѣкъ чувствуетъ, что онъ только тогда сдѣлалъ все, что̀ должно, когда онъ устранился такъ, что его какъ будто нѣтъ. Когда человѣкъ познаетъ эту отрицательность своего личнаго существованія, тогда онъ переноситъ свою жизнь въ то, что̀ проходитъ черезъ него, въ Бога.

Хотѣлъ я выразить яснѣе словами то, что̀ вѣрно, что во мнѣ сила Божья, дѣлающая дѣло Божье; и потомъ убѣдился, что это не

нужно. Довольно того, что я — не я, а сила Божья, дѣлающая во мнѣ. Какъ и сказалъ Іоаннъ V, 19: „Сынъ ничего не можетъ творить самъ отъ себя, если не увидитъ Отца творящаго, ибо что̀ творитъ Онъ, то и сынъ творитъ также“.

* * *

То, что̀ намъ кажется движеніемъ нашей личной жизни, есть движеніе нашей формы жизни, когда мы становимся подъ угломъ по направленію жизни Божеской. Когда же мы станемъ по направленію воли Божьей, то та проходитъ черезъ насъ, переставая насъ двигать, и тогда иллюзія пропадаетъ, и тогда мы сознаемъ, что мы, наша жизнь, не что̀ иное, какъ сила Божья. И тогда представляется необходимость перенести свое сознаніе изъ оболочки формы въ силу ея направленія. Эта трудность однако побѣждается сама собой, и устраняется вопросъ о безсмертіи и будущей жизни. Сознаніе жизни перенесено изъ движущейся формы въ источникъ силы, въ самую волю Божью вѣчную, безконечную. Я изъ сознанія формы перешелъ къ сознанію самой жизни. Такъ какъ же мнѣ усомниться, что то, что̀ есть одно, было и будетъ, что оно не умретъ?

Я созная себя самого силою жизни, которая проходитъ черезъ меня; движеніе моей жизни есть колебаніе этой формы, стоявшей подъ угломъ къ направленію силы и понемногу устанавливающейся въ томъ же направленіи. Устанавливается одинаковость направленія, движеніе прекращается, плотская, личная жизнь кончается, я перехожу въ силу, проходящую черезъ меня.

Но что же эта сила безконечная вся? Тайна вѣчная, и не нужно дальше знать. Знаю только, что мнѣ не страшна смерть при этомъ. „Въ руки Твои предаю духъ мой“. Обособленность его, составлявшаяся формой, черезъ которую я проходилъ, кончается, и я соединяюсь со всѣмъ. Я недавно сталъ это чувствовать — то, что, когда я умру, то я нисколько не умру, но буду живъ во всемъ другомъ.

Rosenthal & Co., Berlin N., Johannisstrasse 20.

D

21.80
5

26.80 Wilk.
24.30 Klein
22.90 Bh

von Klein 3 M.o

217
202

434
434

43834
355

7930 | 1227
7362 | 646

5780
7908

7720

22.90 B
1.00

23.90

26.80
1

27.80
24.30

52.10

26.80
2.40

29.20
5

29.25

21.80
24.30
22.90

69.00
5

74.00